УДК 343.815+94 (47)

DOI: 10.17223/23088451/18/22

С.И. Кузьмин, Е.С. Чуканова

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВЕТСКОМ И РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются вопросы, связанные с функционированием организованного криминального сообщества в Советском и современном Российском государстве. Прослеживается процесс криминализации российского общества после распада СССР.

Ключевые слова: *воровские авторитеты, изоляция, преступная деятельность, коррупция, криминальная субкультура*

В дореволюционной России и в Советском государстве предпринимались меры, направленные на искоренение профессиональных преступников. Добиться поставленной цели было непросто, так как, например, к концу 20-х гг. прошлого века в местах лишения свободы РСФСР находилось порядка 4,2% профессиональных преступников от общего числа заключенных. В изоляторах особого назначения России были сконцентрированы и воровские авторитеты, этапированные из регионов Кавказа и Средней Азии из-за невозможности на местах обеспечить их надежную изоляцию от внешнего мира. По состоянию на 1 января 1929 г. число приговоренных к данной мере наказания составляло 37 тыс. человек, не считая направляемых сюда наиболее «авторитетных» представителей воровской элиты, что значительно превышало возможности данных учреждений. Неслучайно поэтому ставился вопрос о создании на территории СССР двух изоляторов особого назначения с установлением в них более строгого режима. Называлось и место для размещения одного из них – остров Возрождения, недалеко от Баку [1. С. 52]. Однако жизнь распорядилась иначе, и до настоящего времени на территории бывшего СССР с тех пор была построена только одна тюрьма, а те, которые оставили нам в наследство царский режим, основательно поизносились.

На рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. переживала не только тюремная система, но и ее «элита». Разумеется, воровские авторитеты и их подручные не были никакой «опорой» Г.Г. Ягоды в лагерях, как это представляется в последние годы в средствах массовой информации. У этой публики была своя особая жизнь в местах лишения свободы, свой «кодекс чести», и они никогда не выражали интересов администрации.

Условия содержания осужденных в исправительно-трудовых лагерях были таковы, что позволяли воровской элите не только собирать сходки в масштабе лагеря, но и проводить «съезды», на которых присутствовали «делегаты» от всех лагерей. На таких «форумах» совершенствовались старые и формировались новые нормы, которыми должны были руководствоваться «истинные арестанты», а также поддерживавшие их осужденные.

Воровское сообщество обязывало своих членов следить за порядками в исправительно-трудовых лаге-

рях, устанавливая там полную власть воров. В противном случае они должны были отвечать за положение дел перед сходкой воровских авторитетов.

В 1956–1957 гг. в исправительно-трудовой системе началось наступление на наиболее опасный контингент уголовников-воров всех мастей. Вопрос перед теми, кто причислял себя к ворам, был поставлен ребром: или идеологическое разоружение, или жесточайшая изоляция в тюрьмах. Состоявшим на учете ворами было предложено подписать обязательство об отказе от своего воровского звания. Оперативные работники с каждым вором разбирались индивидуально. Давшим подписку, она вкладывалась в личное дело, о принятом ими решении оповещали заключенных лагерного пункта на общем собрании, и после этого они переводились в обычные подразделения. С наиболее стойкими администрация проводила большую работу, нацеленную на идейное разоружение [2]. Особое внимание уделялось воровским авторитетам, которых знали по всем лагерям и тюрьмам. Широко использовалось для разложения воровского мира, например, письмо заключенного В.И. Кожевникова к заключенным, содержащимся в ИТЛ и тюрьмах МВД СССР, относящим себя к преступной группировке, именуемой «воры» [3. С. 3–6]. В соответствии с указанием заместителя министра внутренних дел СССР за № 134 от 24 апреля 1957 г. с письмом предлагалось ознакомить всех заключенных и использовать его при проведении мероприятий по борьбе с воровскими группировками. Как известно, этот уголовник, с которым беседовал Н.С. Хрущев, был впоследствии освобожден досрочно, получил по его указанию квартиру, но так и не встал окончательно на праведный путь. Свою роль сыграли и показательные суды в местах лишения свободы над лицами, представлявшими воровское сообщество. При этом осужденные выступали в качестве свидетелей на таких процессах, не боялись их. Подобное стало возможно благодаря стремлению администрации консолидировать основную массу правонарушителей и противопоставить ее представителям организованных преступных группировок. Теперь уже сами осужденные, натерпевшиеся от воровского беспредела, заявляли: «Мы не хотим ни “воров”, ни “отошедших”. Мы хотим работать и быстрее вернуться к семьям» [4].

Воровские авторитеты понимали, что против них объединились в единую силу администрация и большая часть осужденных. При таких обстоятельствах многие авторитеты ощутили бесперспективность противостояния, которое могло принести им не столько пользы, сколько вреда, ибо внесенные изменения в уголовное и исправительно-трудовое законодательство в конце 1950-х гг. значительно сузили возможности для ведения паразитического образа жизни в местах лишения свободы. Осуждение за бандитизм по ст. 77 п. 1 на основе нового законодательства не предвещало для них ничего хорошего. Приговор за бандитизм к смертной казни приводился в исполнение без всяких проволочек, и по лагерным пунктам и колониям зачитывали соответствующие приказы по МВД, где встречались знакомые им имена и фамилии.

Воры-рецидивисты, решившие завязать с прежней жизнью, призывали к этому и своих сотоварищей. Часть из них по собственной инициативе выступала в средствах массовой информации (лагерных газетах, листовках, передачах по местному радио, на общих собраниях осужденных). Они убеждали в том, что жизнь в стране меняется. Появилась возможность условно-досрочного освобождения, а также освобождения раньше срока по зачетам рабочих дней в срок отбытого наказания. В самом обществе изменилось отношение к бывшим преступникам. Государство и местные органы власти стали помогать освобождающимся в решении вопросов трудового и бытового устройства. В выпускаемых для заключенных газетах публиковались письма авторитетов, порвавших с преступной средой. Все это приносило свои плоды. Начался активный распад воровского сообщества, но все же оставалось немало тех, кто не собирался предавать воровскую идею.

Уже во второй половине 1960-х гг. воровское сообщество в стране начало выходить из подполья, но юридической базы для борьбы с этим явлением не было. Реализация на практике хрущевского волюнтаристского принципа «о возможности полного искоренения преступности в СССР к началу 80-х гг.» привела к тому, что из нормативных документов МВД–КГБ исчезли такие термины и понятия, как «вор» той или иной масти, «уголовно-бандитствующий элемент» и т.п.

Недооценка особо опасных лидеров преступной среды со стороны государства, своеобразная передышка, данная им в 1960–1970-х гг., привели к активизации и возрождению воровской идеологии, а затем к ее распространению с начала 1980-х гг. в местах не столь отдаленных.

Основные процессы, способствовавшие развитию, а затем уже и расцвету сообщества, происходили вне мест лишения свободы. Дважды разгромленные и реорганизованные при Н.С. Хрущеве органы государственной безопасности и Министерства внутренних дел утратили тотальный контроль за нетрудовыми доходами граждан. В этих условиях стала стремительно развиваться теневая экономика, породившая крупные хищения и коррупцию. В прежние годы партийные, государственные, советские чиновники всех рангов,

находившиеся под пристальным вниманием органов, не могли себе позволить вступить в связи с расхитителями государственной собственности, не могли взять взятку, так как нетрудовые доходы невозможно было материализовать. Теперь открывалось широкое поле деятельности для обогащения. 10 июля 1962 г. был арестован директор Ленинградской областной оптовоторговой базы Георгий Петрович Зуйков, с конца 1950-х гг. находившийся в поле зрения правоохранительных органов, но благодаря покровительству Козлова (бывшего первого секретаря обкома КПСС) сохранявший свой пост и избегавший уголовной ответственности. Факты против директора были следующие: «у Зуйкова было изъято 1 616 золотых монет царской чеканки различного достоинства и 200 золотых американских долларов, всего весом более 12 килограммов; 5 160 бумажных американских долларов, 11 золотых слитков, в том числе и слитки швейцарского банка, 5 золотых пластин и 3 рулона золотой фольги заводского изготовления, а также различные изделия из золота – золотая дореволюционная настольная медаль, 4 броши с бриллиантами и браслет (общий вес около 3 килограммов), 16 незакрепленных бриллиантов весом 61,85 карата и нитка жемчуга». Большую часть этих ценностей он прятал в могиле своей дочери на Волковском кладбище. 24 июля 1963 г. Зуйков был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение [5].

Подпольные дельцы и цеховики, пользуясь развалом тотального контроля за жизнью граждан, стали ворочать сотнями тысяч, а то и миллионами рублей, что позволяло им на корню покупать не только руководителей властных структур, но и правоохранительных органов.

В изменившейся ситуации профессиональные преступники быстро сообразили, что выгоднее и прибыльнее грабить воротил теневой экономики, тем более что не каждый из них посмеет обратиться за помощью в милицию, чем совершать кражи и заниматься грабежами. Воровское сообщество не устояло перед соблазном легкой наживы и начало охоту за теневицами и цеховиками. Путем шантажа, угроз, физического насилия, захвата заложников они отторгали у дельцов и цеховиков часть их доходов, паразитируя безнаказанно на преступниках от экономики.

На одной из всесоюзных «сходок», организованной воровскими авторитетами в Краснодаре в 1979 г., где присутствовали представители теневой экономики, и была достигнута принципиальная договоренность: воры брали на себя обязательство охранять цеховиков и дельцов, а те – платить им десять-пятнадцать процентов от прибыли.

Взросшие доходы воровские авторитеты начали направлять в подпольный бизнес. При этом они стали обеспечивать теневицков услугами, связанными с их охраной, сбытом неучтенной продукции, ее сопровождением при транспортировке, борьбой с конкурентами. Происходившие процессы в экономической жизни страны повлекли за собой не только небывалый рост организованной преступности, но и модифицировали воровское сообщество. В настоящее время преступный

мир живет несколько иной жизнью. Уже не существует специально установленного стажа для вступления в касту воров. Допускается прием в сообщество лиц, не отбывавших наказание в местах лишения свободы. Не существует и никакой системы поручительства. Никто теперь уже не удивляется тому, что воры официально расписываются в ЗАГСе, заводят семью. Они все реже «ботают по фене», а некоторые из сообщества могут свободно изъясняться на иностранном языке. Их нередко можно увидеть в шикарном костюме с дипломатом в руке, в проезжающей мимо иномарке. Их вкус совпадает с рейтингом мировой классификации машин. Отсюда любовь к «мерседесам», «вольво», «БМВ», «кадиллакам».

Современному вору уже нет необходимости маскировать свой антиобщественный образ жизни под внешне законопослушный. С отменой уголовной ответственности, ранее предусмотренной ст. 209 УК РСФСР, отпала необходимость в сокрытии паразитического образа жизни. Воровское звание отныне стало доступно лицам, которые не в полной мере отвечают требованиям «воровского кодекса чести». Надо только обладать крупной денежной суммой и добровольно вносить немалые средства в общаковую казну.

Чтобы претендент на звание вора был коронован, он обязан вести правильную воровскую и арестантскую жизнь, показать свою честность, уметь расположить к себе любого человека. Предварительно выясняется место рождения претендента, сфера занятий, наличие связей с милицией и т.д. Выяснение не может ограничиться рассказом о себе. Принимаются меры по проверке биографии по месту рождения и проживания. После принятия в воровскую касту о нем сообщается воровскому сообществу на воле и по местам заключения. В то же время некоторые из наиболее элитной демократической части воровских авторитетов таковыми открыто в преступном мире не объявляются и известны только узкому кругу лиц воровского сообщества. Такая конспирация потребовалась в наше время, так как наиболее перспективные из их числа имеют широкие возможности входить в правящую государственную элиту.

Последнее поколение воровских авторитетов – о чем и мечтать они не могли при советской власти – это начинающие преуспевать бизнесмены. Сидеть в тюрьме уже считается признаком дурного тона и не слишком большого ума. Неслучайно на заре перестройки в этой среде появилось довольно любопытное суждение: «Сейчас деньги лежат на дороге, и их можно грести лопатой, только дурак или идиот будет отсиживаться в тюрьме». Изменился и характер преступной деятельности воровских авторитетов. Сами себя они уже стали называть людьми управленческими [6. С. 2].

Невольно возникает вопрос: раз вор – известный лидер преступной среды, то он должен быть изобличен в совершении конкретного преступления и осужден к уголовной мере наказания? Однако на практике все далеко не так. В 1993 г. органами внутренних дел за организацию и совершение преступлений задерживалось 45 воров-авторитетов, 29 из них было арестовано,

а 20, из числа заключенных под стражу, осуждено. И это не случайно. Большинство «воров» непосредственно сами преступлений не совершают, но делают это с помощью лиц из руководимых ими преступных группировок. «Воры» же, как правило, либо их организаторы, либо идейные вдохновители, а поэтому правосудию до них не дотянуться. За первое привлечение к уголовной ответственности в современных условиях довольно проблематично, а второе по действующему уголовному кодексу до конца 2019 г. преступлением не являлось.

Вся воровская идея сводится к тому, чтобы жить за счет других, а для этого все средства хороши. По-прежнему воровские авторитеты находятся в активной оппозиции к обществу, имея ярко выраженные антисоциальные установки и свою «философию жизни». В отличие от воров старой формации, которые без особой нужды никогда не шли на «мокруху», новое поколение над этим не задумывается. Оружие идет в ход уже среди бела дня, при большом скоплении свидетелей, по поводу и без оно.

В наше время о воровских авторитетах стали проявлять заботу видные граждане нашего государства. О досрочном освобождении из Тулунской тюрьмы (Иркутская область) Вячеслава Иванькова по кличке Япончик хлопотал уважаемый человек, Святослав Федоров, дважды вносил протест по делу Иванькова заместитель председателя Верховного суда России А. Меркушев. Люди помельче – иркутские депутаты и впоследствии уволенные руководители Тулунской тюрьмы немало сделали, чтобы облегчить участь известного вора во время его заключения. Одно время Япончик гастролировал в дальнем зарубежье, имея возможность просаживать в американском казино за ночь 250 тыс. долл., что мог позволить себе редкий западный богатей. В знаменитый «Белый лебедь» приезжал хлопотать за известного вора Герой Советского Союза, водрузивший знамя Победы над рейхстагом, Кантария.

Нельзя не вспомнить то обстоятельство, что ни в царские времена, ни в годы советской власти невозможно было такое, чтобы умерших своей смертью или погибших авторитетов преступного мира хоронили с помпой, на престижных кладбищах, как это делается сегодня. Достаточно обратиться к фактам. На Востряковском кладбище хоронили вора по кличке Малина, 63-летнего особо опасного рецидивиста, судимого одиннадцать раз. В Екатеринбурге тысячи людей шли по улицам города, провожая в последний путь на кладбище своего кумира вора Вагина. В центре Казани, на главной аллее центрального кладбища, неподалеку от надгробия создателю неевклидовой геометрии Лобачевскому, вблизи братской могилы солдат Великой Отечественной войны – с почестями похоронен один из лидеров знаменитой казанской банды «Тяп-ляп» Кондрашин, отсидевший в зоне 13 лет. Что общего в этих похоронах? Прежде всего, на них присутствуют руководители всех территориальных преступных группировок, а в зависимости от ранга в воровском сообществе в церемонии принимают участие и видные авторитеты

бывших республик СССР. К примеру, на похороны убитого в Амстердаме и доставленного на родину вора по кличке Тынгыз съехались воры со всего Кавказа и авторитеты так называемых славянских кланов.

«Воры в законе», придерживающиеся старой идеологии, по-прежнему остаются значимой силой в криминальном мире, а их влияние на криминальную субкультуру гораздо значительнее, чем у «пиковых» и «лавровых». Воров старой формации сильно бесят «пиковые» и «лавровые», ставшие «ворами в законе». Коррупция в новой России начала разедать не только общество в целом, но и преступную среду. Теперь можно выйти в «люди», стать «паханом», «вором в законе», не имея никаких криминальных заслуг и тюремной «выслуги лет», а купив это звание или опираясь на силу и преобладание своей этнической группировки. У старых воров был скудный доход и складывался он из традиционных видов промысла: карточная игра, угоны транспорта, квартирные кражи и т.д. Основной доход приносили цеховики, на которых они паразитировали. Старые авторитетные преступники не имели права связывать себя семейными узами, а современные воры считают своим долгом не просто создать семью, но и обеспечить ей должное существование. Идеалом «вора в законе» считался «бессеребряник» – преступник, у которого отсутствовала любая собственность. Современным ворам наплевать на этот идеал. Это хорошо видно из телевизионного репортажа, где показывали хоромы вора Шакро-молодого, обставленные антиквариатом.

В советском государстве преступное сообщество существовало автономно по отношению к обществу. Связь с обществом ограничивалась в целях избежать размывания своей идеологии. Совершенно иная ситуация сегодня. Приобретя значительное богатство, преступный мир получил уникальный шанс добиться политической власти. Криминальное сообщество, опираясь на свою финансовую мощь, включилось в социально-экономическую деятельность не только в лице своих представителей, но со своей криминальной субкультурой. Особенностью сложившейся ситуации в стране является то, что эта преступность проникла в высшие слои российского общества (губернаторы, мэры городов, банкиры, депутаты и др.). Отсюда и значительное влияние, которое оно оказывает на общественные отношения. Властвующие кланы после беспредела 1990-х гг. стали выстраивать отношения с высшими слоями преступного сообщества (разделение сферы извлечения преступных доходов), заставляя тем самым основную часть населения ориентироваться на эти отношения и следовать за ними.

В начале 1990-х гг. организованные преступные группировки обложили все сферы бизнеса своего рода «данью» за покровительство. Бандиты реально легализовались и держали под контролем целые города. За короткое время они смогли сконцентрировать огромные средства, которые стали использоваться для активного вхождения во власть. В качестве примера следует напомнить о нашумевшем деле Андрея Климентьева, который, имея судимость, в 1990-е сумел стать мэром

Нижегородского. После отмены выборов губернаторов и мэров наступление криминала вроде бы приостановилось. Однако после того, как в конце 2013 г. Конституционный суд РФ принял сенсационное решение: вернул право избираться в органы власти людям, имеющим погашенную судимость за тяжкие преступления, положение изменилось. По данным избиркома, в 2016 г. свыше 120 ранее судимых выразили желание стать народными избранниками.

Когда во власть в стране пошли люди с криминальным прошлым, лидеры преступных группировок быстро сообразили, что перед ними открываются новые возможности. Они тут же занялись поиском талантливых подростков и через обучение в высших учебных заведениях стали внедрять своих протеже и родственников в органы законодательной и исполнительной власти, в правоохранительные органы, банковскую и иные сферы и организовывать им карьерный рост.

Криминальные сообщества на свободе принимают меры для пополнения своих рядов. Как это делается, можно увидеть на примере Игоря Майданюка, самого молодого члена банды «Цапко». После первой отсидки в колонии для несовершеннолетних «цапки» его приметили, обували, одежали, возили тренироваться в спортивный зал. Готовили к вступлению в банду, подначивали на драку, науськивали [7].

Законодательная и исполнительная власть в России, ориентированная на европейские ценности, прежде всего, озабочена своим благополучием и стала на путь гуманизации карательной политики государства. Основной сферой деятельности, куда устремились преступные элиты, стала экономика. Появившаяся возможность безнаказанного (ввиду исключения из уголовного кодекса конфискации имущества, нажитого преступным путем) разворовывания или присвоения мошенническим путем государственной собственности привели к созданию мощных региональных преступных сообществ. В их состав вошли коррумпированные чиновники и связанная с преступным миром верхушка управленческого аппарата. В результате произошло внедрение лидеров преступного мира в высшие слои российского общества – уже в самом начале 1990-х гг. За примером далеко ходить не придется. 12 июня 1994 г., в день независимости государства Российского, президент Б.Н. Ельцин принимал в Кремле поздравления. Телекамеры фиксировали уже давно известные фигуры политических, общественных деятелей, военных и священнослужителей. Но вот рядом с президентом камеры зафиксировали неизвестного для зрителей незнакомца, в котором хабаровчанин, к своему удивлению, распознали Пуделя (народная кличка) – судимого 6 раз уголовного авторитета – Владимира Податаева. На визитках, которые он вручал нужным людям, были прописаны вполне уважаемые титулы: член комиссии по правам человека общественной палаты при президенте РФ; полковник, заместитель верховного атамана Союза казачьих войск России и зарубежья; член президиума ЦК свободных профсоюзов.

Выступая на страницах краевой газеты, сам Пудель (воровская кличка Джем) так преподносил свой

жизненный путь: «Беда моя, но в то же время и достоинство в том, что 18 из 35, к моменту своего освобождения, я провел в экстремальных условиях – в тюрьмах, лагерях и пересылках». Однако вряд ли это можно отнести к достоинствам, так как подвизавшийся в президентской команде правозащитник первую ходку отсидел за кражу, вторую за тривиальный грабеж, третью за участие в групповом изнасиловании. «Откинувшись» из зоны, он ни в каких авторитетах не ходил, вкалывал на стройке, на бетономешалке, так как в СССР труд был обязательным для всех. В 1987 г. дальневосточные уголовные лидеры возвели Джем (Пуделя) в ранг «положенца», поручив такое направление криминальной деятельности, как сбор «общака». Средства от таких сборов, как известно, предназначаются на содержание воровских авторитетов, на поддержание сидящей в местах заключения «братвы», преданной воровской идее, помощи их семьям и др.

За какие заслуги перед государством и обществом попал Джем в комиссию по правам человека, не знал даже председатель комиссии Михаил Арутюнов, подписавший ему удостоверение. Зато в этом качестве уголовный авторитет едет в Женеву, общается с высокими чинами из ООН, запечатлевает себя с ними на видеопленке и показывает по телевидению Амура изумленным землякам. Следующий визит Джем нанес в США. И опять встречи с большими политиками, бизнесменами, общественными деятелями. Кроме того, у него состоялась встреча с вором в законе Вячеславом Ивановым – Япончиком, который возглавлял крупную банду в США. Именно он создал российскую организацию «Общак».

Новые кадры, пришедшие в правоохранительные органы в 1990-х гг, ведя борьбу в том числе с организованной преступностью, быстро освоили ее методы обогащения. Накопив первоначальный капитал, они стали уходить в легальный бизнес, а на смену им пришла новая «крыша» и отдельные сотрудники правоохранительных органов, в том числе высокого ранга, стали крышевать игорный бизнес, торговлю, проституцию и т.д. С виду уважаемые чиновники перестали стесняться иметь дела с откровенными бандитами, используя их в реализации криминальных схем.

О том, что в нашей стране процесс сращивания отдельных, даже высокопоставленных государственных служащих с криминальными лидерами продолжается, свидетельствует арест по подозрению во взяточничестве первого заместителя начальника Главного следственного управления СКР по Москве Дениса Никандрова, а также руководителя управления собственной безопасности ведомства Михаила Максименко и Александра Ламонова. Все они были связаны с самым авторитетным на сегодня «вором в законе» Шахромолом (Захаром Калашовым), отправленным отбывать уголовное наказание в одну из краснодарских колоний.

Не успели за этими фигурантами уголовного дела захлопнуться двери камер следственного изолятора, как члены Общественной наблюдательной комиссии Москвы посетили СИЗО «Лефортово», навестив их. Тут же в газете «Московский комсомолец» появляется публикация Евы Меркачевой «Хорошо сидят!», пропитанная жалостью к «сидельцам» с выводом: мясорубка перемалывает всех [8].

С целью ослабления криминального влияния на законопослушных граждан, особенно из числа молодежи, очень важно пресечь пропаганду романтического образа жизни в средствах массовой информации. Современному российскому обществу нужны произведения, телепередачи, фильмы, которые бы показывали, какой колоссальный вред наносят «воры» и их последователи народу, как они, втягивая в орбиту своего влияния, нравственно калечат подростков и молодежь, трагедию человека, принявшего на веру романтику преступного мира. Без существенной поддержки средств массовой информации усилия правоохранительных органов в противостоянии преступному миру будут бесполезными.

Инициатива, с которой выступил Президент страны В.В. Путин, несомненно, повлечет за собой активизацию борьбы с лидерами в преступной иерархии [9]. Однако только с помощью одних уголовно-правовых мер подавить организованную преступность вряд ли удастся. Для этих целей необходимо также широко использовать опыт применения организационных и профилактических мер, использованных в разные годы в борьбе с криминальным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швей А.И. Об одной из форм старой изоляции // Административный вестник. 1926. № 7–8. С. 49–52.
2. Ориентировка МВД СССР от 16 февраля 1956 г. № 28 сс «Об изменении преступной тактики уголовниками-рецидивистами и о мерах по активизации агентурно-профилактической работы среди контингента» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.11.2021).
3. К честной трудовой жизни (сборник писем осужденных). М. : ГУИТК МВД СССР, 1957. С. 3–6.
4. Приказ МВД СССР № 293. 1957 г // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.11.2021).
5. Российская газета. 2019. № 229. 11 октября. URL: <https://rg.ru/gazeta/2019/10/11.html> (дата обращения: 06.11.2021).
6. Корупаева Т. Закона нет, есть только... вор в законе // Куранты. 1993. № 133 (648). 17 июля. С. 2–9.
7. Александров Г., Барова. Е. Бандит в законе // Аргументы и факты. 2013. № 42. С. 4–8.
8. Меркачева Е. Хорошо сидят // Московский комсомолец. 2016. № 155 (263). С. 3–5.
9. Озерова М. «Авторитетам» – от 8 и выше // Московский комсомолец. 2019. № 33 (397). 15 февраля. С. 8–9.

Organized Crime in the Soviet and Russian State, and the Need for Its Neutralization

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 120–125. DOI: 10.17223/23088451/18/22

Stanislav I. Kuzmin, Moscow Regional Branch of Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Evgeniya S. Chukanova, Moscow Regional Branch of Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Keywords: thieves' authorities, isolation, criminal activity, corruption, criminal subculture.

The article discusses issues related to the functioning of an organized criminal community in the Soviet and modern Russian state. The process of criminalization of Russian society after the collapse of the USSR is traced. In order to weaken the criminal influence on law-abiding citizens, especially young people, it is very important to suppress the propaganda of the “romance” of a criminal lifestyle in the media. Modern Russian society needs works, television programs, and films that would show what colossal harm the criminal bosses and leaders of criminal groups and their followers inflict on the people; how, drawing into the orbit of their influence, they morally cripple adolescents and youth; the tragedy of a person who has bought on the “romance” of the underworld. Without significant support from the media, the efforts of law enforcement agencies in confronting the underworld will be useless. The initiative put forward by the president of the country will undoubtedly entail an intensification of the struggle against the leaders in the criminal hierarchy. However, it will hardly be possible to suppress organized crime with the help of criminal law measures alone. For these purposes, it is also necessary to widely use the experience of applying organizational and preventive measures used in different years in the fight against the criminal community.

References

1. Shvey, A.I. (1926) Ob odnoy iz form staroy izolyatsii [On one of the forms of old isolation]. *Administrativnyy vestnik*. 7–8. pp. 49–52.
2. USSR. (1956) *Directions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 28 ss of 16 February 1956 on the change in criminal tactics by recidivist criminals and on measures to intensify agent-preventive work among the contingent*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. Anon. (1957) *K chestnoy trudovoy zhizni (sbornik pisem osuzhdennykh)* [Towards an honest working life (Collection of letters from convicts)]. Moscow: GUITK MVD SSSR. pp. 3–6.
4. USSR. (1957) *Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 293 of 1957*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) 11 October. [Online] Available from: <https://rg.ru/gazeta/2019/10/11.html> (Accessed: 06th November 2021).
6. Korupaeva, T. (1993) Zakona net, est' tol'ko... vor v zakone [There is no law, there is only ... a thief in law]. *Kuranty*. 133 (648). 17 July. pp. 2–9.
7. Aleksandrov, G. & Barova, E. (2013) Bandit v zakone [Bandit in law]. *Argumenty i fakty*. 42. pp. 4–8.
8. Merkacheva, E. (2016) Khorosho sidyat [They sit well]. *Moskovskiy komsomolets*. 155 (263) pp. 3–5.
9. Ozerova, M. (2019) “Avtoriteta” – ot 8 i vyshе [From eight <years in prison> and more for criminal ‘kingpins’]. *Moskovskiy komsomolets*. 33 (397). 15 February. pp. 8–9.

Received: 10 September 2021